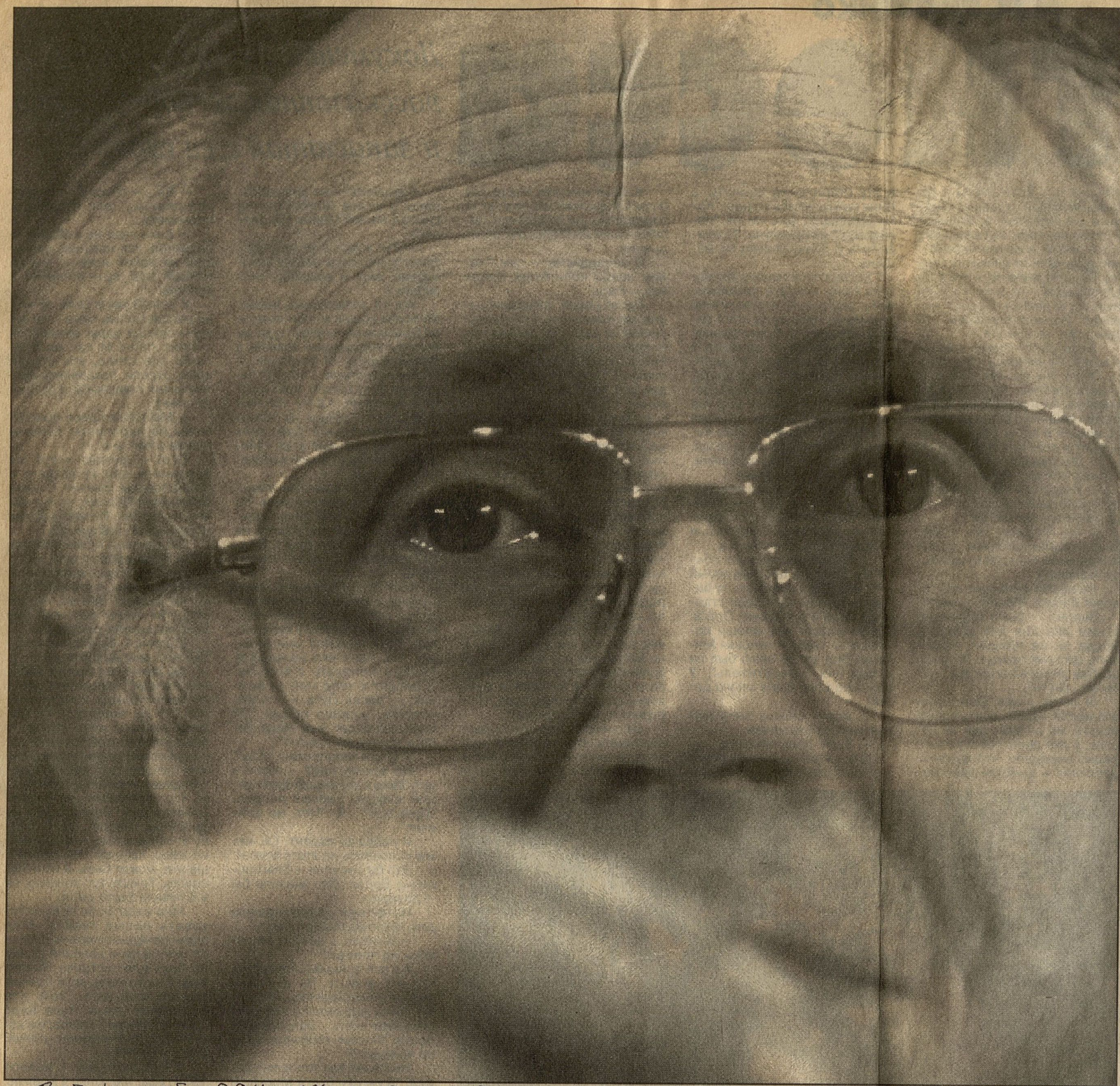

Ростропович Мстислав Леопольдович
27.03.94.

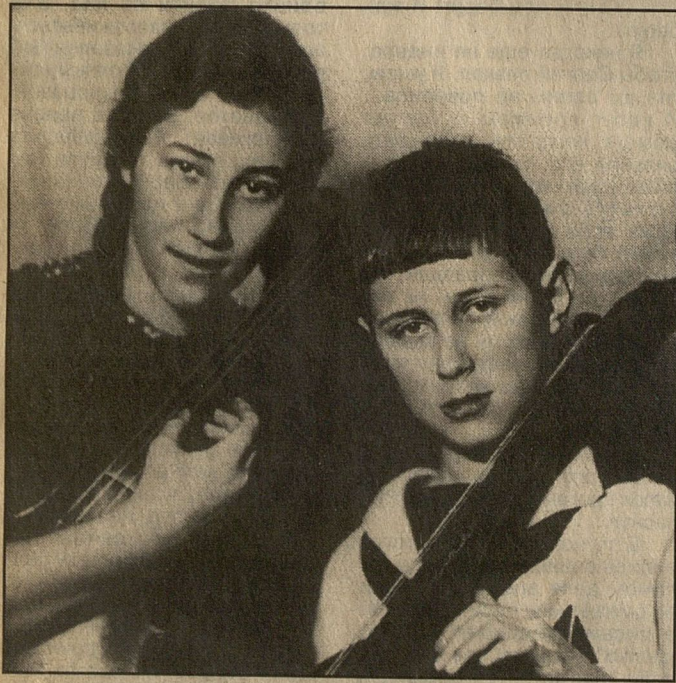

Без кнзб-1994-27 марта-45.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

А теперь, братцы, жажнем по настоящему!

27 марта Париж и вся музыкальная элита отмечают 70-летие **Мстислава Ростроповича**, выдающегося виолончелиста и дирижера, гражданина мира и великого сына России. В его честь президент Франции Жак **Ширак** устраивает грандиозный концерт в театре на Елисейских полях, в котором примут участие друзья Ростроповича, звезды первой величины: Иегуди **Менухин**, Исаак **Стерн**, Сейджи **Озава**, Кшиштоф **Пендерецкий**, Ван **Клиберн**, Гидон **Кремер**, Наталья **Гутман**, Владимир **Спиваков**, Юрий **Башмет**, Максим **Венгеров**, а также четыре симфонических оркестра Лондона и Парижа. А в Москве? Москва не предложила Ростроповичу ничего. Разве что стараниями энтузиастов к юбилею выходит книга **"Ростропович и его современники"** — большая работа Тамары **Грум-Гржимайло**, долгие годы собиравшей материалы о музыканте, записывавшей многие беседы и рассказы его и о нем. Фрагменты из капитальной книги, выходящей на днях в издательстве **"Агар"**, **"БК"** предлагает читателям с любезного разрешения автора.

С сестрой Вероникой. 1940 г.

Худой как щепка

Откуда он бежал и куда? Не знаю. Но он вихрем промчался мимо меня, выставив вперед виолончель и подбородок, — этот долговязый и остроносый "аспирантик" Московской консерватории, о котором кто-то из моих сверстников-первокурсников тут же шепотом доложил: "Это Слава Ростропович — первая премия на Всесоюзном". А потом еще тише, на ухо: "Любимец Прокофьева. Живет у него на даче".

Так я увидела его впервые. И его вперед несущуюся виолончель. И победительный подбородок. И легенду, и тайну, ко-

торая уже мчалась за ним по пятам.

Прокофьев? Да разве можно было тогда афишировать дружбу с опальным композитором?

Но на лице этого странно-угловатого, излучающего тайну владельца виолончели ясно проступало то, что русские называют "переупрямить всех и вся" или даже что-то более воинственное, что древние славяне (князь Святослав, помнится) обозначали коротким: "Иду на вы!" (И-таки пошел. Двадцать лет спустя...)

Только после смерти Прокофьева в 1953 году мы узнали,

что за несколько дней до конца композитор продиктовал жене список из семи незавершенных произведений, где на первом месте стояло Концертино для виолончели и оркестра, а на третьем — Соната для виолончели соло. И это были последние творческие миры композитора, который когда-то говорил Григорию Пятигорскому, без успеха исполнившему его Первый виолончельный концерт: "Мне мало знаком ваш сумасшедший инструмент".

С какой-то дьявольской силой Слава Ростропович (который, по словам Рихтера, "цепко схватился за Сергея Сергеевича") сблизил и сроднил творческую мысль Прокофьева с этим "сумасшедшим инструментом", подвинул гениальную его новаторскую фантазию на целую реформу.

Природное родство натур Прокофьева и Ростроповича было отмечено многими. "Наблюдая их вместе, — вспоминал Святослав Рихтер, — можно было принять Сергея Сергеевича за его отца — так они были похожи". Оба — лобастые, оба — очкарики, оба — неистовые жизнелюбы... Безумно, азартно влюбленный в музыку Прокофьева, Ростропович говорил о любимом творце: "Он уберет мой вкус и переселит в мою душу маленький кусочек своего солнца, и его мне хватит надолго".

Конечно, мы с первого же курса поняли, что более экстраординарной личности, чем аспирант Слава Ростропович, в консерватории нет. О нем ходили легенды, хотя тот факт, что ему каким-то образом удалось перескочить со второго курса сразу на... пятый, было стопроцентной былью. И то, что он не сел играть в оркестр, как все нормальные смертные, а сразу стал солистом Мос-

ковской филармонии (будучи еще аспирантом!), тоже было чистой былью, разворачивающейся у нас на глазах. Вечно его кто-то искал, кто-то спрашивал: "Где Ростропович? Когда приедет Ростропович?" А он уже гастролировал по всему Советскому Союзу — то в Свердловске, то в городах Прибалтики, то в Ленинграде, Киве, Минске...

А вот то, что Ростропович отправился гастролировать на Северный полюс или поплыл с баянистом по Енисею — играть жителям таежных сибирских деревень, средю не выдавшим живых артистов, звучало легендой.

Позднее мы узнали немало других фантастических фактов биографии виолончелиста Славы Ростроповича. Например, что он впервые играл с оркестром (в городе-курорте Славянске) в 13 лет. А начал преподавать (в годы войны, в

Оренбурге, после смерти отца), когда ему едва исполнилось 15... Хотя он женился и не очень рано, зато за... четыре дня. И на ком? На красоте, бывшей опереточной певичке, а ныне солистке Большого, словом, на шикарной женщине Галине Вишневской!

И вот наступило памятное 18 февраля 1952 года, когда вся консерватория гудела, как разбуженный улей: "Сегодня Слава Ростропович играет новый концерт Прокофьева с оркестром, а дирижировать будет Рихтер!"

Это звучало фантастично, вызывающе. Потому что после разгрома 1948 года музыка Прокофьева почти нигде не звучала, тем более в Большом зале Московской консерватории! И потому еще, что все знали — Прокофьев болен, в Москве почти не появляется, живет на своей Николиной горе (а жить, как

оказалось, ему оставался всего один год), на премьеру, возможно, приехать не сможет... А тут вдруг Концерт для виолончели!

Я никогда не забуду этот вечер. Ведь я впервые слышала виолончелиста Мстислава Ростроповича. И это было что-то вроде эмоционального шока. Ростропович, длинный и худой как щепка, вышел на сцену стремительно, выставив вперед виолончель, как победительную хоруговь, а за ним — элегантный Рихтер, гордо несущий свою лобастую голову.

Святослав Теофилович потом вспоминал: "От большого напряжения мы после конца были в полном изнеможении. Мы не верили себе, что сыграли, и настолько потеряли голову, что не вызвали Прокофьева наверх. Он жал нам руки снизу, из зала. Мы ошалели. В артистической прыгали от радости..."

Без кустарей-надомников

В 1968 году вихрь Мстислава Ростроповича ворвался в Большой театр. Ворвался даже вопреки желанию примадонны первой музыкальной сцены Галины Вишневской, не считавшей нужным ломать грань между семьей и театром.

Разумеется, не только энтузиазм тянул Ростроповича в Большой с его обширным полем для художественного "возделывания". Ему не давала покоя мысль о рутинности музыкального воплощения классических оперных партитур. Он мечтал взорвать в оркестре Большого театра этот "комплекс второстепенности", застарелую привычку к аккомпанирующей функции.

Хорошо помню, сколько людей сбежалось на репетиции Ростроповича в Большой. Широкая демократическая натура новоявленного маэстро не препятствовала гласности и открытости. А ведь он пошел на самый опасный вариант: рискнул освежить самую заигранную оперу Чайковского — "Евгений Онегин", которая шла на сцене Большого уже 87 лет. И звучала более 2 тысяч раз!

Он попросил двенадцать репетиций. Не без сражений с дирекцией театра получил их. И началось...

— Вибрато! Вибрато! Каждая нота вибрирует! — наставлял Ростропович оркестрантов. — А здесь — очень характерно! Немного сердито! Опять мы на "ми" почему-то вздыхаем, и появляется "коровья страсть"... Понимаете, здесь совершенно обновленная интонация: "А вот и мы, здравствуйте, ваша тетя, так сказать"... (Это перед появлением Онегина в первом действии. — Т.Г.-Г.). Вибрация! Пиано! Чем дальше пульты, тем меньше вибрации. Простите! Больше экспрессии... Аромат воздуха!.. И — взрыв, здесь фортиссимо! Теперь — пиано, пианиссимо, и выделяется "слона" пиано... Больше вибрации! Последние пульты, я ухитрился вас увидеть: у вас нет вибрации. Такая творческая забастовка нам не нужна... А теперь во второй раз жажнем, братцы, по-настоящему! (Это — вальс на балу у Лариных. — Т.Г.-Г.). Теперь ваше слово, виолончели. Нет, нет, никаких излишеств, ничего искусственного. Простота, как белая березка... (Это — об оркестровой музыке в сцене дуэли и арии Ленского "Куда, куда...". — Т.Г.-Г.). Какая великопленная форма! Сыграйте начало финала — эти фанфары, как совершенно новую главу (третий акт, великосветский бал. — Т.Г.-Г.). Что это у вас темпа нет?! Вставные целюсти какие-то пошли... Крецендо! Сделайте кренделю: это — как камень, когда он брошен в воду — и круги расходятся... А скрипки! Играете, как кустарь-надомники. Огромное дыхание!!! Страсть, смятение, предчувствие — вся драма здесь. А вот это уже похоже на симфонию. Спасибо вам!!!

Оркестр был ошарашен, потрясен могучим эмоциональным напором нового маэстро. Певцы-солисты вдруг ощутили какой-то новый составительный, интригующий контакт с оркестром.

Вишневская — Татьяна ни в чем не уступала мужу, ни в тончайшей музыкальности каждой фразы, ни в драматургии целого. А голос! "Чистейшей прелестью чистейший образец", — как воскликнул бы Поэт.

В антракте между репетициями разных актов оперы я слышала в буфете реплики оркестрантов:

— Вот так годика два поработать — и оркестр будет играть идеально.

— Расшевелил нас Леопольдович!..

— И правильно. Ростропович осмыслил все.

А Мстислава не отпускала толпа журналистов и критиков. И он говорил много, возбужденно и весело. Но воинствующее остроумие не отменяло серьезности содержания его ответов и рассказов.

Помнится, я успела задать только один вопрос:

— Слава, а как бы ты одной фразой сказал о главном в дирижерстве?

И он ответил, совершенно не задумываясь:

— Мозг дирижера должен быть каким-то образом прозрачен.

Эта фраза врезалась мне в память на всю жизнь. Я ее нигде и никогда не воспроизводила, не записывала. Здесь, сейчас — впервые.

(Продолжение следует).

ФОТО АНДРЕЯ СТЕПАНОВА

Галина Вишневская, Мстислав Ростропович и Давид Ойстрах исполняют "Семь стихотворений на слова Блока" Д.Шостаковича. БЗК, 1967 г.